

цах»⁶⁷: «Работа моя для «Современника» окончена и удалась лучше, чем я ожидал. Это в добавление к «Запискам охотника» еще рассказ, где я в немного прикрашенном виде изобразил состязание двух народных певцов, на котором присутствовал два месяца назад. Детство всех народов сходно, и мои певцы напомнили мне Гомера. Потом я перестал думать об этом, так как иначе перо выпало бы у меня из рук. Состязание происходило в кабаке, и там было много оригинальных личностей, которых я пытался зарисовать à la Teniers»⁶⁸. Слова Тургенева о некоторой приукрашенности сыграли роковую роль в критической литературе о «Певцах», создав ряд произвольных толкований и объяснений. Именно они дали повод говорить об «идеализации действительности» в «Певцах», о «фантастическом приукрашивании» ее и т. д. Большинство исследователей без всяких достаточных оснований относят эти слова к этнографической стороне рассказа, хотя с не меньшим (а, может быть, и большим) правом, можно предположить, что они относятся к деталям психологического характера (например, «бегство» рядчика после победы Якова, характеристики отдельных слушателей и т. д.)⁶⁹.

Но каковы бы ни были творческие художественные элементы, принесенные Тургеневым в рассказ о состязании, на котором он присутствовал, факт наличия последнего остается бесспорным, иначе нужно было бы признать вымыслом и самое письмо, для чего нет, конечно, никаких оснований.

Необходимо подчеркнуть, кроме того, что Тургенев изображает состязание не крестьянских певцов; герои его рассказа: фабричный Яков Турок и мещанин из Жиздры, рядчик. Состязания же певцов-фабричных, певцов-горожан или певцов — выходцев из дворовой среды широко известны, и их описания нередко встречаются в научной и мемуарной литературе.

⁶⁷ М. К. Клеман считает первым упоминанием о «Певцах» письмо Некрасова к Анненкову от 30 сентября 1850 г., в котором он сообщало о присылке Тургеневым «небольшой вешиды». «Хороша да неудобна!», — писал он о ней («Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 76, стр. 117). Однако такое приурочение противоречит всем прочим сообщениям о «Певцах»: в данном письме речь идет, несомненно, о «Свидании», как предполагал первоначально и сам М. К. Клеман («Летопись жизни Тургенева», Л., 1936, стр. 56). А. И. Белецкий сопоставлял с замыслом «Певцов» сохранившийся в бумагах Е. Я. Колбасина написанный рукой Тургенева «листок сюжетов». Из этой записки видно, что Тургенев намеревался описать «внутреннюю физиономию русских трактиров» и «какую-нибудь большую фабрику с множеством рабочих (песельники Жукова) и т. д.» (А. И. Белецкий и И. С. Тургенев, сб. «Документы по истории литературы и общественной мысли», вып. 2, И. С. Тургенев, М., 1923, стр. 37—38). Это указание было безоговорочно принято почти всеми последующими исследователями и комментаторами (см. Тургенев, I, стр. 349). Однако М. К. Клеман вполне справедливо усомнился в возможности данного сопоставления («Ученые записки Ленинградского государственного университета», т. 76, стр. 91). Действительно, едва ли имеются серьезные основания сближать певцов Притынского кабака с «песельниками Жукова»; прообразом Якова Турка послужил, по всей вероятности, кто-либо из рабочих фабрики Н. С. Тургенева (брата писателя).

⁶⁸ «Вестник Европы», 1911, № 8, стр. 188.

⁶⁹ Как идеализацию действительности рассматривают изображенное Тургеневым состязание М. К. Клеман, А. И. Белецкий и многие другие современные исследователи. Комментатор данного рассказа в гослитиздатовском издании усматривал «идеализацию» в переносе действия из городского трактира в деревенский (Тургенев, I, стр. 349), что, однако, вполне противоречит собственному свидетельству Тургенева. Н. Л. Бродский полагал, что «прикрашенность» сводилась к «изъятию натуралистических подробностей попойки после окончания состязания певцов» (И. С. Тургенев, Избр. произв., редакция текста и примечания Н. Л. Бродского, М., 1946, стр. 564), однако никаких конкретных доказательств в подтверждение своей гипотезы автор не приводит.

Едва ли вообще следует слишком буквально понимать замечание Тургенева о приукрашенности. Следует учесть, что, упоминая в письмах к Полине Виардо о своем творчестве, Тургенев часто принимает иронический тон. В том же письме, сразу после упоминания о Теньере, он пишет: «Чорт побори! Какие громкие имена я цитирую при каждом удобном случае! Видите ли, нам, маленьким литераторам, ценою в 2 су, нужны крепкие костыли для того, чтобы двигаться» («Вестник Европы», 1911, № 8, стр. 182).